

Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2001.

Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Проблемы составления словаря советизмов // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. – М., 2004

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград, 2004.

Стеценко А.П. О специфике психолингвистического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993

Уледов А.К. Общественная психология и идеология. – М., 1985

Шварцкопф Б.С. Оценки говорящим фактов речи // Автореф. дис...канд. филол. наук. – М., 1971

Яковлев А. Государственная идеология // Диалог. 2001, № 6.

© Шадрина Т.А., 2006

Д. Р. Шарафутдинов
Екатеринбург

**Грамматика языковой системы и грамматика речевой
деятельности: специфика взаимоотношений**

Выработанная структурализмом дихотомия **язык – речь** предусматривает понимание собственно языка (кода) как абстрактной и пассивной «системы человеческого общения при помощи слов» [Широков 1985: 4]. Речь же в сложившейся лингвистической традиции трактуется как реализация, применение, «конкретизация» и «активизация» абстрактной пассивной языковой системы в коммуникативных целях. В соответствии с этим язык и речь соотносятся между собой как пассивное и активное, стабильное и подвижное, потенциальное и актуальное, обобщенное и частное, абстрактное и конкретное (ср. в лингвистической терминологии: *абстрактно-языковой* и *конкретно-речевой уровни*) начала соответственно. Так – узко – понимаемый язык («языковая система») в самом общем виде, как известно, состоит из двух генеральных компонентов, из двух модулей: словаря и грамматики. Под словарем в данном случае принято понимать полный набор, инвентарь (индекс) языковых единиц – полный состав фонетических единиц (фонов и фонем), значимых частей слов (морфов и морфем), самих слов (лекс и лексем), синтаксических единиц (синтаксических соединений и их структурных схем). Грамматика понимается как полный набор принципов организации и функционирования этих единиц – полный состав правил образования (деривации) одних единиц от других, видоизменения единиц по тем или иным (морфологическим) категориям, соединения единиц между собой на основе строевых моделей при помощи синтаксических связей. Иными словами, языковая система формируется совокупностями **языковых единиц** и **языковых правил** оперирования данными единицами. В условиях реальной коммуникации, оперируя языковыми единицами в соответствии с принципами устройства языковой системы, участники этой коммуникации – как носители языка, так и иноговорящие – тем самым осуществляют речевую деятельность, результатом (продуктом) которой является текст или его семантизация («языковой материал», по Л.В. Щербе), в зависимости от характера речевой деятельности. Таким образом, речевая деятельность и текст в рассматриваемой системе соотносятся между собой как процесс, с одной стороны, и результат, продукт этого процесса, с другой стороны.

Очевидно, что в настоящее время наука о современном русском языке – синхронная русистика – является одним из наиболее развитых «представителей» синхронного частного языкознания вообще. Синхронной русистикой накоплен гигантский опыт разнообразных теоретических и прикладных исследований и описаний русской языковой системы, русской речи и русских текстов. Обобщению этого опыта в первую очередь способствует замечательная традиция создания академических словарей и академических грамматик современного русского языка. Значение существующих академических грамматик русского языка для развития русистики в целом и каждой из ее отраслей (включая фонетику и лексикологию) в частности невозможно переоценить. Академические грамматики современного русского языка, в частности, двухтомная «Русская грамматика» 1980 г. изд., содержат несомненно блестящие, весьма подробные, глубокие и тонкие описания языковых фактов. Не будет преувеличением утверждать, что академические грамматики представляют собой мощное достижение не только отечественной лингвистической школы, но и – шире – отечественной культуры в целом.

Вместе с тем, важно иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Обсуждаемые грамматики являются грамматиками именно абстрактной и пассивной **языковой системы**, а не «конкретной и активной» **речевой деятельности**.

2. Как следствие, это грамматики именно **описаний** единиц и явлений, а не **предписаний** – инструкций для действий и алгоритмов для деятельности. Иначе говоря, это грамматики **характеристики** объектов, а не **оперирования** объектами.

3. Рассматриваемые грамматики воплощают преимущественно **классификационный** подход к объекту; по своим логическим основаниям это классификационные описания. «Надо ясно осознать, что существующее в школьной и академической традиции описание русской грамматики представляет собою *классификацию* явлений и фактов, принадлежащих грамматике. Причем все эти факты как таковые читателю этого описания известны и задача состоит лишь в том, чтобы эти известные факты упорядочить, разложить по соответствующим полочкам, каталогизировать. <...> Какую бы

грамматическую характеристику мы ни взяли, она представляет собою результат именно классификации. Не важно, будет ли это род существительного или наклонение глагола, способ словообразования или тип предложения по цели высказывания, член предложения или аффикс. Везде мы имеем дело с классификацией. Меняются объекты, лексемы, словоформы, морфы, предложения, меняются основания для деления на группы и подгруппы, семантические, сочетаемостные, чисто формальные, но суть процедуры и характер результата остаются неизменными – классификация» [Милославский 2002: 9-10].

Таким образом, в существующей академической традиции в качестве основного типа грамматики выступает (3) **классификационное (2) описание (1) языковой системы**. Совершенно очевидно и закономерно, что такое грамматическое описание принципиально не ориентировано на технологическое обеспечение речевой деятельности, не нацелено на решение задач производства или восприятия текста и его компонентов. Для решения этих задач требуются грамматики принципиально иного типа – не классификационно-описательные, а алгоритмически-предписывающие; не типологизирующие, а инструктивные; не каталогизирующие языковую систему, а проектирующие речевую деятельность.

В соответствии с этим противопоставление грамматик рассматриваемых типов основывается на серии дифференциальных признаков. Наиболее важными из них представляются следующие:

а) признак «объект»: языковая система – речевая деятельность; факты языковой системы – процедуры речевой деятельности; языковые единицы – речевые действия;

б) признак «предмет»: системно-структурная организация объекта как относительно статичного феномена – процессуальная, «поэтапная» организация объекта как динамичного феномена;

в) признак «цель»: создание типологии системы – создание технологии деятельности;

г) признак «методика»: описание системы на основе классификации единиц – планирование деятельности на основе алгоритмизации операций;

д) признак «основной операциональный элемент»: класс, тип языковых явлений – алгоритмическое предписание, инструкция для осуществления речевого действия.

Грамматика речевой деятельности принципиально вторична по отношению к грамматике языковой системы – как «грамматика реализации системы» по отношению к «грамматике устройства системы» соответственно. Технологическая грамматика выстраивается на фундаменте классификационной грамматики, опирается на результаты классификационно-грамматических описаний.

Методологические различия между рассматриваемыми грамматиками убедительно продемонстрированы в теоретических исследованиях, нацеленных на формирование научной идеологии грамматики речевой деятельности (точнее, грамматик речевой деятельности – продуктивной и рецептивной) как особого, самостоятельного способа интерпретации грамматических объектов и содержащих в связи с этим акцентированное противопоставление обсуждаемых подходов (см. прежде всего работы И. Г. Милославского и представителей его научной школы). Однако нетрадиционность, специфичность и самостоятельность «деятельностно-грамматического» синтетического («синтезирующего») подхода отнюдь не означают его изолированности, автономности и абсолютной самодостаточности, что также отмечают авторы данных исследований.

Подчеркнутое разъединение и жесткое противопоставление этих, хотя и сильно различающихся, но все же системно связанных и имеющих равные права на существование, концепций в настоящее время представляется нецелесообразным. Необходимым видится, напротив, определение контактных зон этих грамматик, выявление компонентов классификационной грамматики, принципиально «работающих» на решение тех или иных задач грамматик речевой деятельности, и, далее, использование соответствующей – необходимой и достаточной (!) – классификационно-грамматической информации при построении продуктивно-грамматических и рецептивно-грамматических моделей.

Так, создание грамматики продуктивной речевой деятельности (продуктивной грамматики) предполагает апелляцию к различным достижениям классификационной грамматики (например, к сведениям о сочетаемостных возможностях языковых единиц или об инструментарии словопроизводства, в частности о семантических и структурных характеристиках дериваторов); соответствующую реинтерпретацию полученных в рамках классификационного подхода данных о грамматических единицах и их свойствах. В соответствии с этим создание продуктивной грамматики в общем виде представляет собой комплексный проект, в составе которого классификационно-грамматический модуль принципиально предшествует собственно продуктивно-грамматическому. Содержание классификационно-грамматического модуля заключается в определении состава данных классификационной грамматики, необходимых и достаточных для планирования и решения задач продуктивной речевой деятельности; в отборе (разработке) типологий, релевантных и принципиально «подходящих» для построения продуктивной грамматики; в модификации типологий, обусловленной спецификой их использования в продуктивно-грамматическом модуле.

Следует констатировать тот факт, что в настоящее время русистика не располагает полными системными грамматическими описаниями, ориентированными на речевую деятельность. Существующие классификационно-грамматические описания направлены на решение преимущественно теоретико-лингвистических или некоторых лингвометодических задач, прямо не связанных с проблематикой технологического обеспечения речевой деятельности как таковой. Полноценные исчерпывающие грамматики, которые способствовали бы решению «деятельностно-грамматических» проблем различного рода – возникающих и перед учеными в ходе соответствующих теоретических исследований, и перед учащимися в рамках учебного процесса, и, что чрезвычайно важно, перед участниками практической коммуникации (продуцентом и реципиентом речи) в

условиях реального коммуникативного акта, – в науке о русском языке пока не созданы.

Продуктивно-грамматический проект характеризуется особой значимостью на фоне того факта, что идеографический, ономаσιологический подход к изучению и описанию языковых знаков уже длительное время весьма успешно применяется в русской лексикологии и лексикографии. Наукой накоплен серьезный опыт составления идеографических словарей. Это создает дополнительный стимул для идеографических исследований в области грамматики, не имеющих столь давней традиции, но не менее важных – ведущих в конечном счете к созданию идеографической (=продуктивной) грамматики как системы технологического лингвистического обеспечения продуктивной речевой деятельности прежде всего на основе деривационного синтеза единиц (слова, предложения, текста) с заданными семантическими свойствами.

Литература

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980.

Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. – М., 2002.

Широков О. С. Введение в языкознание. – М., 1985.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Шарафутдинов Д.Р., 2006